

Г.И. Федоров
г. Чебоксары,
Чувашский государственный университет

О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ. НА МАТЕРИАЛЕ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)*

Что такое теоретическая история национальной словесности (ТИНС)? Разумеется, совсем не то, что обыкновенная история литературы (ИЛ). Это, скорее, литературно-художественная составляющая истории и теории, психологии и философии национальной культуры. Принципы создания ИЛ, казалось, разработаны давно, однако в них налицо засилье политико-идеологических постулатов, поэтому именно изучение основ теории национальной литературы истории и поможет написать подлинную ИЛ. Не вдаваясь в детальные подробности, остановлюсь на некоторых моментах гипотетируемой ТИНС.

Это, естественно, поиск и апробация корпуса этнопоэтических ее составляющих, осмысленных на материале чувашской художественной словесности:

1. Устное народное творчество, жанры, сюжеты фольклора. При этом важно сознавать, что фольклор не является «единоначальной» основой литературы, он выступает как материал и орудие, мышление и образное мироощущение. Таковы легенды-повести современного чувашского прозаика М.Юхмы «Дорога на Москву», «Голубая стрела».

2. Релевантно самостоятельны и свободны от фольклора язык и речь народа, практика бытовой выразительности высказывания. Трудно было бы квалифицировать животворность гоголевского словотворения только как фольклор. Это особая стихия, отличная от фольклорной поэтики. В чувашском словесном искусстве данная тенденция зримо проявляет себя в

*Данна работа по недосмотру редакционной коллегии X международного конгресса финно-угроведов, проходившего в г.Йошкар-Оле, была напечатана в сборнике предварительных тезисов под фамилией языковеда Э.В. Фомина.

плеонастическом многословии И.Тхти и М.Ильбека, И.Н.Юркина и Л.Галлерова. Такое Слово, как правило, окроплено смехом и глубинной иронией. Тхти в своих рассказах прибегает к приему намеренного профанирования, уничтожения как предмета речетворения, так и образа носителя этой речи. Шутливая, ироническая интонация его повествований подчас является средством самозащиты человека, подвергающегося осмеянию, унижению и т.д.

Предмет унижения, его структуру такой Повествователь превращает в смех и тем снимает психологическое напряжение. Порой подобная коллизия вырастает в средство исторической самозащиты Чуваша от насмешек, гонений и национального унижения. Безусловно, такой Смех, такое Слово требуют от воспринимающего высокого уровня интеллекта, ибо все здесь построено на игре слов, на приемах словесного театра. В этом отношении к нему близки Хв. Уяр, М.Ильбек и ряд других писателей. Практически Словом является и миф. И.М.Дьяконов (античник) пишет, что миф - это факт мироощущения, а не жанр. Мифом как Словом, как орудием мыслят поэты М.Федоров (поэма «Леший»), К.Иванов (поэма «Нарспи»), прозаики Ю.Скворцов («Береза Угах») и Д.Гордеев («Не разоряйте ласточкиных гнезд») и т.д.

3. Существенны для ТИНС факты материальной и духовной жизни народа. Тяга к притчеизации обыденных происшествий хорошо наблюдается в повестях и рассказах И.Н.Юркина, Игн.Иванова (начало XX в.), Д.Гордеева (конец XX в.) и др. При этом наблюдается тяга к наделению аллегории устойчивыми признаками символа, что говорит о сближении художественной публицистики с философским осмыслением мира (проза А.Емельянова, поэзия А.Воробьева (сер. XX в.), драма Б.Чиндыкова (конец XX в.) и т.д.

4. Важной культурно-философской составляющей ТИНС является этнографизм, который выявляет историческую, социально-психологическую, этнообрядоверческую особенности национального самобытия поэтического Слова. Как конструктивная даность образной структуры произведений это проявляется весьма талантливо в прозаических изысках Хв. Уяра

(роман «Тенета» - обряды жертвоприношений, кражи земли), М.Ильбека (обряды кражи воды), в поэмах Я.Ухсайя и т.д. Изъятие этих сцен из названных полотен привело бы к полной утере национально-народной самородности этих полотен.

5. Особым компонентом обсуждаемого предмета является и определенное отношение к тому или иному ритуально как бы сакральному протоколу социальной жизни. Механизм игры с таким протоколом, спор с его официозностью находим в трагикомедии Ф. Павлова «На суде». В основе ее лежит заседание суда, которое обладатель способности к наивно-профанированному красноречию старик Ухтеркке превращает в театральные подмостки. Происходит словесное состязание между судьей и темным как будто стариком, в котором победителем оказывается последний. Практически старик Ухтеркке реализует тот же механизм, который художественно апробирован в рассказах И.Тхти: смешная интонация речи у обоих вырастает в большой культурно-философский фактор трудной бытийности.

6. Немаловажно обратить внимание на обращение к вечным, старинным сюжетам древнерусской литературы. К слову, К.Иванов в поэме «Нарспи» передал свое осмысление старинной коллизии «Лейли и Меджнун», Ф.Федоров создал особый вариант встречи человека со злыми духами Леса (но разработал ситуацию как Миф-размышление Героя).

7. В силу особого характера ТИНС дисциплина эта неизбежно обращается к символам-топам национальной культуры. Вот почему в чувашской литературе наблюдается устойчивый интерес к таким топосам, как лес (М.Федоров, К.Иванов, Хв. Уяр, Ю.Скворцов, Н.Мартынов), стихия (те же авторы), дорога (Хв. Уяр, М.Федоров, А.Артемьев и др.), круг (К.Иванов, Ю.Скворцов и т.д.) и т.д. Устойчив интерес к таким дихотомическим парам, как Жизнь и Смерть, Шутка и Трагизм, Глупость и Ум, Страх и Смелость и др.

Такой подход к материалу позволяет напрочь отринуть социологизированную практику создания ИЛ. Как показывает анализ, для чувашей непреложно обращение не только к фольклору, но и образности Речи, к обрядоверию, к Шутке и т.д. Все это составляет основу их эстетического видения мира. Именно от этого

зависят способы сюжетно-повествовательного механизма, жанрово-композиционной структуры произведений. Так, можно отметить приверженность чувашских мастеров Слов к циклическому мышлению. Поэмы, написанные как циклы стихов, характерны для первого большого поэта Чувашии Хведи (сер. XIX в.), П.Хузангая, В.Митты, Ю.Айдаша, В.Эндипа и др. Циклы прозаических новелл созданы М.Юхмой, В.Игнатьевым, И.Изембеком и т.д. В силу этого здесь даже романы или повести напоминают циклы рассказов или новелл: «Тенета» Хв. Уяра, «Черный хлеб» М.Ильбека, «Тепло людское» Ю.Скворцова и т.д. Вот почему ряд поэм Я.Ухсая выходят из-под его пера как повести в стихах («Дед Кельбук»). Причина этого таится, видимо, в том, что Чуваш в своем осмыслении мира одномерен, многоплановые и многосоставные романы его мало интересуют. И тем не менее мир его дихотомичен: Шутку он редко воспринимает без дихотомического единородства с Драмой или Трагедией. Полнота крупного жанра для него дискретна и мозаична...

Проблема, поставленная здесь, разумеется, не исчерпывается сказанным, В данной работе сделана лишь попытка очертить некоторые аспекты ТИНС.